
ТАТЬЯНА ОСИПОВА
ЗОНА СЛИЯНИЯ
ТАМ, ГДЕ НЕ ХОДЯТ ЛЮДИ
18+
• ЗОНА СЛИЯНИЯ •

Татьяна Осипова

Там, где не ходят люди

https://litres.ru/74744968
SelfPub; 2026

Аннотация

Она сказала: «Они натравили вас друг на друга, как собак. Отдай самое дорогое, и я стану твоим ключом».

Когда я проснулся, на моём пальце светилась голубая паутина.

Мы идём к высохшему Днепру. Я — русский, сбежавший от войны. Ветер — украинец, потерявший своих под Днепром. Старый — старик, который видел слишком много. Мы должны дойти до русла, пока Зона не поглотила всё.

Но у Зоны свои планы. И у Морфеуса, хозяина «Башен Морока», который охотится на таких, как я.

«Где не ходят люди» — постапокалипсис о Зоне Слияния, где даже смерть имеет цену.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 Убежище 12
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Татьяна Осипова
Там, где не ходят люди

Пролог

— А раньше здесь было всё зелёным, — горько усмехнулся Ветер, поправил автомат на плече и выдохнул — тяжело, с болью. — Была страна…

— И то верно, — кивнул Старый, высокий и худой сталкер лет пятидесяти пяти. Он не был стариком — так прозвали за долгую жизнь в Припяти.

— Страна? Да мне бы патронов на эту неделю, а не страну, — толкнул в плечо Старого Курок. Ему тридцать с небольшим.

Сегодня не только в Чернобыле поселилась смерть. Она выжидала на заражённых радиацией полях, лесах, посёлках. Погребла всё за пределами эпицентра Запорожской АЭС после взрыва.

— Пока ты прятал свою жопу в Припяти, нас у Днепра рвало на куски, — проговорил сквозь зубы Ветер и выругался в сторону.

— Вот опять вы. — Старый любил ребят и не хотел, чтобы они снова вспоминали прошлое и ругались. — Цель об-

щая. Сейчас. Не вчера, не год назад, парни. Не важно, кто всё начал. Нам надо понять, что мы можем сделать. Хаос не остановить, но что-то может и получится.

— Мне сон приснился вчера. — Курок вынул из мятой пачки сигарету. Покосился на Ветра. — Будто я иду по какому-то рву или оврагу и понимаю что это высохшее дно реки. Ил испарился. Даже трупы сгорели не только людей, а рыб и подавно. Запаха никакого. Озоном прёт нещадно, иду себе… И тишина — такая, как перед выбросом. Знаете, когда даже мутанты затихают. Давит на уши, будто ватой забило. И чувствуешь — сейчас что-то случится. Оглядываюсь, и слышатся мне шаги. Сердце сжимается, рука за пистолет хватается. Оборачиваюсь и чуть на жопу не сел. Руку к кобуре, а она пустая. Ничего. Оружия вообще никакого. Я будто голый стою и трясусь от страха, а передо мной девчонка.

— Что же ты, Курок, девочки испугался? — усмехнулся Ветер, тоже беря сигарету из своей пачки. Курил он не всё, что попадя. Доставал у барыг, которые привозили всякое с запада.

— Да я знаешь, больше струхнул, что пистолета и обреза моего нет. А девочка смотрит на меня снизу вверху, а лицо у неё какое-то…

— Что с пухлыми щёчками и без пятен? — снова не удержался Ветер.

Старый коснулся его запястья рукой. Их глаза встретились, и бывалый качнул головой, а потом поднёс узловатый

палец к губам.

— Её лицо существовало, и в то же время нет. Оно отражало что-то. Не меня, а знаешь, как старый телевизор. Вот и она транслировала кадры. Это было до Взрыва ЗАЭС. А потом она прижала палец к тонким губам и говорит: Они натравили вас друг на друга, как собак. Ноосфера получила выброс. Теперь это не Зона отчуждения. Это Зона Слияния. Идём со мной, говорит.

— А ты? — на этот раз спросил Старый.

— А я стою, как будто ноги вросли в этот высохший ил, и мычу что-то, но не хочу идти никуда. И вдруг, понимаете, я слышу шум. Это вода. Она несётся сюда, и я знаю, что не выживу, не выплыву. Девчонка поворачивается ко мне спиной, а я зажмуриваюсь. Сжался комком и сон такой настоящий, словно всё это на самом деле.

— Тебе бы книжки писать, – Ветер хмыкнул, но ничего не сказал. Просто затянулся и отвернулся к темноте.

Курок не слушал его:

— Я вижу тёмную волну, она как живая поднимается и ждёт. Остановлась перед девочкой и она обернулась. Теперь я увидел её, но вместо глаз чёрные дыры. Хотя она видела, не знаю как, но она всё видела. «О-сознание причина. Идём со мной и ты найдёшь правду. Отдай самое дорогое, Курок. А я стану твоим ключом».

— И что, — Ветер стряхнул пепел, — ты теперь повёлся на сон? Мало нам радиации, так ещё и сны заразные пошли.

Курок пожал плечами. Он смотрел на догорающий костёр, и в его глазах отражалось что-то такое, от чего Старый поёжился — не от холода.

— Я таких снов не видел пять лет, — тихо сказал Курок. — С тех пор, как перешёл границу. А тут — бац. И эта девочка... она говорила так, будто знает меня. Будто я должен был прийти именно к ней.

Старый молчал. Он знал, что Зона не даёт снов просто так. Особенно тем, кто «не видел ничего хорошего». Она даёт им или шанс, или приговор. И он пока не понимал, что это.

— В общем, завтра идём, — резюмировал Ветер, вставая. — Но если этот твой сон заведёт нас в болото, и мы сгинем — я тебя лично пристрелю, когда встречу в следующей жизни.

Курок замолчал. Сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы, но он словно и не почувствовал.

— А потом что? — спросил Ветер.

— Проснулся.

— Вот так всегда. — Наигранно качал головой Ветер. — На самом интересном месте.

— И что это было? — спросил Курок Старого. — Что думаешь?

Он прижал обожжённый палец к губам. Старый заметил, что на подушечке пальца у Курка появилось голубое пятно — узор как паутинка.

— Это знак, парень, – он жестом показал на руку товарища. Тот с непониманием уставился на расползающиеся нити

от пальца к ладони.

— Вот зараза…

— От этого не умирают. Я видел такое давно. Это метка. Метка Зоны, Курок, — тихо ответил Старый. — Значит сон в руку.

— Да пошло оно, — разозлился Курок. А Ветер вынул фляжку с водой и сделал несколько глотков. — Сейчас куда? Какой план?

Он спрашивал не у младшего сталкера — у бывалого.

— Закончим дела, а потом покумекаем. Есть у меня мысль одна. Бредовая, но… По коням. Пора и честь знать. Туши костёр.

Они шли недолго. Дождь закончился несколько дней назад, и тропа к Кордону удивительно сухая. Под ботинками не чавкала жижа, как накануне в лагере «Серых».

Сумерки сизые, пропахшие прелой листвой опускались на Зону. Старый просчитал маршрут точно. Вышли к Кордону вовремя. Миновали аномалии, которые на карте бывалого были нанесены его рукой. Он не доверял ПДА.

Старый первым двинулся к хижине. Торговец — невысокий плотный мужчина с холёной мордой, кивнул ему, поприветствовав троицу сталкеров. В отличие от лица, руки его были как у трудяги — шершавые и со сбитыми костяшками, как у бойца. Он долго крутил в руках покрытыми сухими мозолями артефакты, что добыли парни. Хмыкал и качал головой. В итоге дал не так много и всё говорил о новых

штуках, которые сейчас ценятся больше, чем любой арт из Зоны Чернобыля. Он слегка заикался, чем раздражал Ветра. Но тут уже ничего не попишешь. Дело есть дело.

— Раньше законы были одни, сейчас всё иначе. — Он сплюнул в сторону. — Артефакты из Запорожской Зоны интереснее и дороже. Видал? — Он вынул из кармана небольшой красный камень с бугристыми ушками, похожий на голову суслика. — Теперь учёные за такое по десять караванов дают. А за старьё, типа «кровь камня» — мешок патронов и три банки тушёнки. Сам решай, где выгоднее. Тем более, сейчас учёные выяснили одну штуку. Два арта при соприкосновении становятся чем-то третьим. Появляется новая сильная материя, она может стать как оружием, так и лекарством.

Курок прищурился, а Ветер хмурился, он рассчитывал получить больше, чем дал торговец.

— А что это за тема? — спокойным тоном поинтересовался Старый. — Типа парные артефакты? — Торговец кивнул. Никто не знал его имени, да и морда у него незапоминающаяся. «Сто пудов — арт для прикрытия использует», — решил Старый и продолжил. — Ты говори, если что нужно. Мы с парнями и не то доставали».

Ветер легко толкнул Старого ногой. Не хотелось связываться с этим прохвостом. Сталкер не любил, когда договор начинали переворачивать и юлить. Сейчас торговец именно так и делал, что разозлило Ветра. Он закурил. Ему хотелось скорее свалить с Кордона. Эти разговоры про фракции, но-

вых учёных, парные артефакты — всё это было похоже на ловушку. Он не любил, когда пахло политикой, а здесь пахло именно ей.

Курок тоже не понимал, отчего ценность добытых вещей снизилась почти вдвое. Зато Старый сказал позже свои мысли на этот счёт, а пока он расспрашивал торговца о новых аномалиях, мутантах и прочем на заражённых территориях.

— Мы сами по себе, — сказал он, не глядя на торговца. — Ты это знаешь. Так что давай без лекций. Говори, что знаешь, или мы пошли.

— Мы не решаем там. Дорога сейчас пролегает по Днепру, — уклончиво ответил торговец. — Это единственный путь в сердце новой Зоны Запорожья. Но есть одна проблема. — Он помолчал, будто ждал, что сталкеры спросят его, но те не подавали признаков интереса. Торговец и сам хотел рассказать о странных вещах на территории, куда боятся соваться даже бывалые сталкеры. — Девчонка…

В груди Курка кольнуло.

— Девчонка? — прищурившись спросил Старый. — Может ты о Варге гутаришь?

— Варга, – фыркнув, рассмеялся торговец. — Это миф. А девчонка реальна. Сам видел. До сих пор сны странные снятся.

Курок осторожно глянул на указательный палец, где ярким, синим пятном блестело пятно-паутина. Слишком заметное, слишком странное. Он спрятал руку в карман.

— И что тебе сны говорят? — спросил у торговца.

— Она зовёт. И у неё нет глаз. Будто их выжгло тем самым взрывом.

Глава 1 Убежище

Отправиться в новую Зону, малоизученную и поэтому настолько опасную, что и вернуться назад может стать невозможным, подвигло желание Курка. Он всё время говорил о своём сне и вспомнил подробности. Ветер по обыкновению хмыкал, но глядя на светящуюся отметину в виде паутины на указательном пальце товарища начинал верить ему.

Старый уже принял решение. Не из-за денег, а больше из желания познать что-то новое. А Ветер вспоминал рассказы тех, кто вернулся и говорил об артефактах, которые не так просты, как кажутся и которые сводят с ума.

Запорожская Зона не начиналась сразу за границей Андреевки — южной точки Чернобыльской Зоны Отчуждения. Она не нападала, она смотрела и выжидала. Если в старой Зоне можно было обходиться без защитных средств, здесь в ход вступали шлемы с фильтр-затворами и переговоры через встроенную рацию.

Курок называл товарищей космонавтами, а Старый матерился, потому что давно не ходил в шлеме.

— Ты там что потеешь, Старый? — весело поинтересовался Курок.

— Да пошёл ты, – огрызнулся старший товарищ.

— Курить охота, — добавил яду Ветер, словно идея от-

правиться к руслу Днепра принадлежала только Курку.

— Я тебе могу никотиновый пластырь подарить, — рассмеялся молодой напарник. Ветер не ответил, но подумал, что реально они как космонавты: « Не пожрать не по нужде сходить». — Ты как будешь всё это делать в комбезе? — спросил он Старого. — У нас системы очистки нет.

— Здесь существуют разные пятна заражения, — отозвался Старый. — Как придём к руслу Днепра, там можно шлемы снять, если верить этому чёртовому КПК с форумом. Пишут всякое, в основном те, кто уже бывал здесь.

— Придётся полагаться на ПДА, старик, — добавил Ветер. — Хоть я больше доверяю и тебе.

Он кивнул. Курок шёл впереди и смотрел сквозь стекло шлема на открывающуюся перед ними территорию — разруха, выжженные поля и чёрные, обугленный деревья. Воздух здесь пах иначе. Нет они не чувствовали чего-то привычного, воздух дрожал на горизонте и казался слишком прозрачным и чистым. Обманчивое ощущение безопасности. Приборы показывали превышение ПДК воздуха, и стрелка счётчика Гейгера гуляла туда-сюда. Так обычно бывает перед появлением аномалии. Старый нахмурился и вынул нехотя ПДА.

Ветер не сбавил шагу, только чуть повернул голову в шлеме:

— Двісті верст, як двісті кілометрів. Тільки там, де ми йдемо, версти рахують не в кілометрах, а в трупах.

Курок нахмурился под шлемом:

— Ты чё сказал?

— Сказав, що до русла ще далеко. Іди давай.

— Мне словарь, что ль носить с собой? — буркнул он и прибавил шаг. Не любил он, когда Ветер выделывался и по-своему болтал. Вроде и понятно, и нет.

— У меня здесь товарищи полегли, – тихо сказал Ветер Старому, но Курок слышал в шлемофоне его голос. Смолчал. — Не здесь прям, но в той стороне куда идём. Бойня была. Не знаю, как сам выжил. Удача… А может приговор.

— К чему же? — усмехнулся Старый.

— К жизни в шкуре сталкера и этому. — Он показал ладонью вперёд, где на разбитой выжженной дороге сгрудились сгоревшие автомобили. Асфальт вздыбился от жара после взрыва. Раскалённый ветер выбрил всю растительность, а от домов остались пепел или чёрные руины.

— Если тебя смерть не взяла, значит, ты для чего-то нужен в этой жизни, Ветер.

Тот не ответил, кивнул. Он знал, что Старый прав. И он не ненавидел Курка, потому что тот с другой стороны. Пять лет назад они были врагами. А теперь товарищи по Зоне, несчастью или бог его знает чему. На мгновение Ветру стало горько. Он знал, что тогда многое было непонятным, но они сражались за Родину, которая их предала. За ту, что теперь лежала здесь — в пепле, в разбитом асфальте, в этих обугленных машинах, которые никто не уберёт.

— У меня тоже все друзья погибли, – внезапно подал голос молодой. — Кто-то за деньгами пошёл, кто-то верил, что так надо, а кого-то заставили…

— А ты зачем? — спросил Ветер. Напряжение накалялось. — Зачем убивать пошёл? — Давно они так не разговаривали — открыто, со злостью. У каждого была своя правда, и лишь Старый вздыхал и всегда пытался их примирить. Сейчас не стал.

— У меня младший после армии контракт подписал. Я ещё его дураком называл, а потом он пропал без вести. Мы искали его с отцом. Помню в Луганск приехали. Сказали, что в Харькове он, в морге каком-то. Командир его ещё так смотрел, глазами сверлил…

— Нашли? — сухо спросил Ветер. — И тебе мало этого было?

— Разозлился, – выпалил Курок. — Злость какая-то взяла. Даже до дома не доехал. Отец промолчал. А матери я не успел позвонить. Меня на РЛСку отправили, раз опыт есть, говорят. Пока вошёл в колею, столько смертей повидал. Остыл. — Курок остановился на секунду, поднял голову к серому небу. — Но вернуться уже не смог. А потом понял: я не хочу возвращаться туда, где всё это возможно. Где люди делают это с людьми. Сбежал в Зону, в Чернобыль. Лучше уж здесь — с мутантами и радиацией. По крайней мере, они честно говорят, что хотят тебя убить. Но вернуться уже не смог — не по закону, не по совести. Прости, Ветер, это я по-

том понял, что всё это зря.

Ветер сразу ничего не ответил, но после пары секунд Курок услышал его голос:

— Проехали.

— Знаете парни, – усмехнулся Старый. — Если оно произошло с тобой, – он ткнул пальцем в Ветра или с тобой, — повернулся к Курку, – значит это ваше испытание, ваша ответственность, выбор и путь. Я тебя понимаю, Курок. Только вот зря ты думаешь, что Зона честнее людей. Она тоже врёт. Она притворяется пустой, а потом выбрасывает тебя в аномалию. Или дарит тебе сон, как твой, — и ты идёшь, потому что не можешь иначе. Так что не обманывай себя, Курок. Мы здесь не потому, что мы честнее. А потому что нас уже не пускают обратно. Но и если звёзды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно. Так поэт один говорил, Маяковский.

— Не читал такого, – ответил Ветер. — Но красиво.

Больше они не говорили. Шли быстрым шагом, пока ещё силы были на дальний поход. Одно смущало идущего впереди Курка — пустошь. Ни кустика, ни дерева, чтобы укрыться, если вдруг враг появится.

Ветер здесь дул нещадно, его порывы даже создавали помехи связи. Сталкеры шли, наклонившись, потому что вихрь то и дело старался опрокинуть каждого.

— Глянь дом там! — почти выкрикнул Курок.

Ветер и Старый подняли головы в шлемах и увидели стоящий почти что в чистом, обожжённом войной, поле бетон-

ный дом.

— Странное строение. — Старый прибавил шагу. Вихрь ударил его в грудь, а потом, внезапно сменив направление, подлетел со спины и толкнул какой-то призрачной силой. Бывалый не удержался и повалился на колени. Ветер подбежал к нему, а Курок крикнул, что теперь стало тихо. Его никто не понял, но когда сталкер помог Старому подняться, и они прошли около десяти шагов, воздух прекратил бесноваться. Запищал прибор на поясе Ветра. Он постучал по экрану пальцем и пожал плечами. Курок кивнул. Старый с опаской отстегнул шлем.

— Космонавты отменяются, – выдохнул он. — Странное место.

Курок раскрыл шлем следом.

— Запах странный, – сказал, принюхиваясь. — Ветер. А ты…

— Заклинило, – послышался его голос в наушнике.

— Давай, подсоблю. — Курок двинулся к товарищу, знал, что они терпеть друг друга не могут, но и за товарища каждый из них порвёт любого. Вот такая сталкерская любовь-нелюбовь.

Старый смотрел на них, посмеивался, расстегнув комбез, сунул руку за пазуху за пачкой сигарет.

Ветер, справившись с механизмом шлема, поднял стекло и нахмурился.

— Странно пахнет, — сказал он. Кивнул Курку. — Как

после грозы. Только без дождя. Сухой. И... сладкий. Слышите? — Он принюхался — и поморщился. — Это горелая проводка. Или что-то, что должно гореть, но не горит.

— Реально, – закивал Курок. — Может это от дома этого фонит… Или бункера.

Двинулся к зданию, но Старый осадил его.

— Не спеши, парень.

Дом застыл как что-то неправильное. Его здесь будто и недолжно было быть. Серый, обугленный с одной стороны. Это был не просто дом — не тот, где люди жили. Бетонные стены без окон, плоская крыша, одна дверь — металлическая, ржавая, но без следов взлома. Он стоял один, как памятник чему-то, что никто не хотел помнить.

— Бункер, — констатировал Старый. — Ещё советский.

— Я не пойду туда, — ответил Ветер.

— А никто и не зовёт, — усмехнулся Курок. — Но если это единственное укрытие на сотню километров — мы туда пойдём.

Он вынул свой ПДА, Старый сплюнул сквозь зубы. У молодого сталкера и КПК, и детектор аномалий были дорогущими и навороченными. Старик считал, что это мешало думать, если полностью полагаться на технику.

Курок протянул руку в перчатке и коснулся металлической двери. Ручка на ней покрытая коррозией поддалась слишком легко. Он оглянулся, всматриваясь в напряжённые лица товарищей. Старый хмурился, Ветер качнул головой.

Курок глянул в детектор аномалий и пожал плечами. Ничего.

Он вошёл внутрь, пытаясь показаться не то что смелым и отчаянным, а действующим во имя товарищей. Ступил в черноту бункера пахнувшего сыростью и чем-то мёртвым, чему нет имени. Свежий воздух не затхлый, словно откуда-то дышало холодом, под ногами бетонная крошка. Бункер с трудом пережил волну взрыва, но здание строилось на подобные случаи. Вниз вели три ступени и там дверь — такая же тёмная, серая, как стены, а поручни покрывали капельки конденсата.

Курок снял перчатку. Что-то говорило ему посмотреть на палец, где появилась голубая отметина. Теперь она светилась ярким светом.

Товарищи застыли за спиной. Они вошли следом. Курок обернулся, ощущая, как по спине пробежал холодный пот. Он поднял руку перед их лицами, и в глазах парня появилось что-то похожее на страх.

— Я не знаю что это, но гляньте туда.

Он показал на стену. Там, на уровне глаз, был вырезан знак — не буква, не цифра. Три прямые линии, сходящиеся кверху, как ветви дерева. Он светился тускло, но чем ближе подходил Курок к лестнице, тем ярче сияла отметина в виде паутины на пальце и таинственный знак на стене.

Рядом было нацарапано неровным почерком: «Не входить. Там Она». А чуть ниже — те же слова, но уже по-украински: «Не заходьте. Там Вона». Буквы были мельче, словно

их писала другая рука.

— Кто это она? — поинтересовался Ветер. Ему тоже было не по себе в этом месте.

— А что это за знак такой? — спросил Курок.

— Руна, — отозвался Ветер. — Альгіз. Захист. Або... попередження. Її залишають перед тим, що не можна відкривати.

— Я уже скоро понимать тебя начну, — Курок сжал губы. Захотелось врезать этому умнику. Вечно он на конфликт идёт. — Руна? — переспросил. — Альгиз?

— А ты как думаешь? — Ветер хмыкнул и толкнул дверь ногой. — Открывать, конечно. Это типа защита и предупреждение.

— Ну, спасибо за перевод, — кивнул Курок. — Старый, глянь. А кто это Она?

— Сам не знаю. — Старый с осторожностью сделал шаг к двери. Приложил ухо к металлической поверхности. Посмотрел на петли тронутые лёгкой ржавчиной. — Здесь проход, правда, куда, неизвестно. Да и ходят здесь иногда. Смотри, — он посветил фонариком под ноги. — В цементной пыли множество следов.

— А может там портал? — спросил Курок.

— Хоть в Зоне мы многое повидали, но не думаю, — качнул головой Старый. Вынул из кобуры «Стечкин» и снял с предохранителя. — Открывай. Но если что за тварь там, стреляем на поражение.

Курок как и Старый прислушался, кто может быть за дверью, но ничего не услышал, скинул с плеча автомат и коснулся металлической ручки. Истёртая не временем, а ладонями. Он повернул её, и дверь открылась — легко, с лёгким скрипом, открывая взглядам сталкеров небольшую комнату. Ничего странного в ней не было. У стены двухъярусная кровать. На другой стене стеллаж и нехитрые припасы. Табличка с надписью «Если ты голодный — поешь. Если у тебя есть еда — оставь другим». Старый усмехнулся, потирая щетинистый подбородок. Посредине у противоположной стены застыл металлический стол — чистый без единого предмета, клочка бумаги и даже пыли. Лишь небольшой свёрток, перевязанный голубой шерстяной ниткой.

Курок остановил взгляд на нём.

— Это письмо? Или…

— Дык разверни, да почитай. — Раздражённо ответил Ветер, и, отодвинув Курка, взял в руки свёрток. — А то ищешь во всём какую-то магию.

— Так не у тебя на пальце хрень эта появилась! — выкрикнул он товарищу и сунул тому в лицо руку со светящимся голубым знаком. — Я теперь и по нужде идти опасаюсь.

— Не боись, не перейдёт эта метка на твоё хозяйство, — хохотнул Ветер и потянул за нитку, чтобы увидеть содержимое, упакованное в плотную плёнку.

Глазам сталкеров открылась карта.

— Это не просто карта, — сказал Ветер, разворачивая

плёнку. — Это чья-то жизнь. Смотрите, здесь карандашом помечены маршруты. Кто-то ходил этим путём. И возвращался.

Старый наклонился, всматриваясь в линии.

— Или не возвращался, — сказал он тихо. — И оставил карту здесь, чтобы её нашли другие.

— Она? Но почему не входить? — спросил Курок. Осмотрелся. Нет ли в этом месте чего необычного и опасного.

— Это карта дороже золота, – тихо добавил Ветер. — Здесь указан путь к Руслу Днепра и все аномалии на пути, убежища и ещё кодовые слова для паролей переходов. Глянь, — он повернулся к младшему и махнул рукой Старому. — Артефакты, их классификация. Мутанты — новые виды. Кто-то оставил её здесь не просто так. Кто-то ждал.

— Или вернётся, чтобы забрать её или нас вербануть, — предположил Старый.

— Вот дерьмище, — усмехнулся Ветер. — Чую приключений будет на наши бошки.

— Чую, Ветер, — сказал Старый, вынимая из пачки сигарету. Постучал ею, зажав между большим и указательным пальцами о поверхность стола. — Только вот боюсь, что не все мы доживём до конца этих приключений.

Внезапно за стенами здания что-то грохнуло, будто в бункер врезалось что-то огромное. Ветер кинулся к лестнице, думая, закрыли они дверь или нет, и есть у неё вообще замок.

Курок глянул на Старого, ощущая, как по полу пошла зна-

комая вибрация. Зубы заныли, и во рту появился металлический привкус.

— Выброс? — осторожно спросил он старшего товарища. А потом сорвался с места, как ужаленный и побежал к выходу, к Ветру.

Тот уже закрывал распахнувшуюся дверь. Снаружи небо стало фиолетовым и вспышки молний бились в истерике, образуя завихрения в только что чистом небосводе. Сейчас там собиралась буря. Ураганный вихрь ударил в бункер. Дверь захлопнулась, будто кто-то помог ей огромной невидимой рукой. Грохнула металлическим телом, словно рухнула крышка гроба.

Бункер погрузился во мрак. Такой плотный, что казалось — его можно потрогать рукой. На секунду никто не дышал. Потом щёлкнул фонарь Ветра, и жёлтый луч разрезал темноту. Он глянул на защёлку, которая от удара закрылась. А потом прозвучал треск, как будто молния ударила в здание, вросшее в землю. Курок крикнул:

— Валим. Выброс только начался.

— Укроемся там, — кивнул Ветер и двинулся к следующей двери.

Старый сидел на нижнем ярусе кровати и разглядывал карту. Лицо его покрытое морщинами казалось невозмутимым.

Курок закрыл дверь и задвинул массивный засов.

— Здесь походу пережидали Выброс.

— Может и так, — отозвался Ветер и сел рядом со Старым. — Долго до Русла Днепра? — спросил его.

— Тут интересный путь. — Старый провёл шершавым пальцем по карте. — Здесь, по всей видимости, мы. Видите слово «Убежище» и знак этой руны. Как там её? — Он вскинул выцветшие серые глаза на Ветра.

— Альгиз. — ответил он.

— Откуда знаком с этой темой? Если, конечно, не секрет.

— Раньше многие молились другим богам, — ответил Ветер и опустил глаза. На его лице вспыхнула боль. — Теперь я не верю ни в бога, ни в чёрта, ни в каких Сварогов и Ярил. А о рунах просто помню…

— Ничего, парень, — похлопал его по плечу Старый. — Зато пригодится знание твоё.

Ветер искоса глянул на Курка. Тот слушал с каким-то своим смыслом его признание.

— А здесь вроде ничего, — ответил он, стараясь снять напряжение, которое вот-вот и снова появилось бы между ним и Ветром.

— Я вот иногда думаю, за что я вообще люблю тебя Курок. — Ветер улыбнулся неожиданно тепло. — Но часто ты меня просто бесишь.

— Это взаимно. — Курок закивал. Он знал, что они друзья, хоть и собачились постоянно. А Старый вздохнул, и внезапно новый раскат грома проник даже в это укреплённое укрытие.

— Это Выброс, — хриплым голосом сказал Старый, не поднимая глаз от карты. — Но не такой, как в Чернобыле. Здесь он проходит через землю. Через бетон. Через нас.

Метка на пальце Курка стала ярче и жгла подушечку.

— Да тебе можно в темноте путь освещать, — сквозь нарастающую боль в желудке усмехнулс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.